

Виталий Самойлов

Доктрина гиперанархизма

Виталий Самойлов

Доктрина гиперанархизма

«Издательские решения»

Самойлов В.

Доктрина гиперанархизма / В. Самойлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852579-7

Гремучая смесь из анархизма, персонализма и экзистенциализма в одном флаконе — эта книга может стать в распоряжении своего читателя своеобразной «инструкцией по выживанию» в современном мире определенного типа человека, которого в условиях «последних времен» стоит назвать не иначе как обособленным и отчужденным.

ISBN 978-5-44-852579-7

© Самойлов В.
© Издательские решения

Содержание

«Свобода превыше всего»	6
Предисловие ко второму изданию	8
Действующие лица	10
Доктрина гиперанархизма	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Доктрина гиперанархизма

Виталий Самойлов

© Виталий Самойлов, 2017

ISBN 978-5-4485-2579-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Свобода превыше всего» (Вместо предисловия)

Читателю предлагается текст, который изначально задумывался автором как развернутый комментарий к его предыдущему сочинению – метафизической поэме *Иная Весть*. Однако уже в ходе работы становилось ясно, что тексту суждено оказаться самостоятельным произведением. В любом случае, ознакомление с *Иной Вестью* прежде прочтения *Доктрины гиперанархизма* окажется весьма полезным для того, чтобы уяснить, что именно автор вознамерился здесь сказать. Можно поступить и в обратном порядке, прочтя сначала *Доктрину*, а уже только затем приняться за *Весть* – так хотя бы можно отследить, в сколь великой степени произошли изменения в воззрениях автора. А можно остановиться лишь на *Доктрине*, позабыв как о существовании *Вести*, так и о существовании самого автора вместе с его настоящим сочинением. Кому как угодно. Мало ли кому та же *Доктрина* не придется по вкусу – если вообще придется. Судьба литераторов испокон века такова, что им надлежит заведомо готовить себя к произнесению своих словес в пустоту. Это еще называется мыслями вслух.

Автор решил учесть ошибки своего предыдущего опуса, написав такую вещицу, в которой о предельно сложном говорится предельно просто – по крайней мере, им были приложены к тому все возможные усилия. Вследствие этого, конечно же, благодетелем человечества ему вряд ли удастся стать, но расположить внимание лишнего читателя, быть может, все-таки получится. На самом деле, читатель никогда не бывает лишним. Он либо есть, либо его нет. На сей раз, автор подготовился и к тому, и к другому.

Чтобы уж совсем не впасть в беспросветный трагизм, автор решил также посмеяться в самом наименовании сочинения. *Доктрина*, раз уж на то пошло, не содержит в себе текста, претендующего на каноничность в целях изобретения очередного «изма». Этих «измов» и без того хоть отбавляй, а потому автор не стал себя озадачивать изобретением велосипеда – и без него уже давным-давно все придумано и сказано. Пожалуй, главное, что может для себя здесь твердо усвоить читатель, звучит следующим образом: творчество – это безграничный простор для самовыражения. Ни больше, ни меньше.

Стало быть, *Доктрина* не содержит в себе никакого «призыва» к какому-либо «разжиганию». Впрочем, к «маленьким любителям экстремизма» будет особая просьба: не касаться страниц этой книги, чтобы ненароком не пробудить в себе погромщика, на беду своим же родителям. Если эта книга и адресует читателю какой-либо призыв, так лишь призыв к размышлению, а не к действию. Лучше всего, когда действию предшествует основательное размышление, а основательное размышление ведет к основательному действию. Не принимай ничего на веру. Учись никому и ничему не доверяться. Твердость веры закаляется в терниях подозрения – так рождается убеждение. Не принять на веру значит открыться для прихода к вере. Только это будет уже ТВОЯ вера.

Доктрина гиперанархизма – это гимн свободе. Там, где свобода, там и пафос. А пафоса в книге много. Автора могут назвать даже «пленником свободы» – и действительно, он превыше всего возлюбил свободу. Но одно дело свободу любить, а другое дело ею обладать. Читатель, внимательно освоив *Доктрину*, в итоге дойдет до того, что не человек обладает свободой, а свобода обладает им. Тем более что *Доктрина*, равно как и всякая басня, имеет свою мораль. А мораль сей басни такова: создай себя сам, и будешь свободен. Впрочем, ты уже свободен. Свободен не быть свободным. Что тебе нужно – решай сам.

Книга написана пьесой заведомо, дабы на стыке драматургии и метафизики родить на свет произведение искусства. Всякое творение живет своей жизнью согласно желанию его творца. Поэтому *Доктрина* свободна идти своими путями так же, как и сам ее автор. И ее

жизнь совершенно не будет зависеть от того, соприкоснется ли с ней кто-либо еще. Независимость – залог свободы. А во всякое творение, как известно, вложена живая душа.

Автор менее всего намерен приносить читателю извинения за те неудобства, которые будут ему доставлены в процессе чтения. Искусство не призвано служить комфорту.

Виталий Самойлов

Предисловие ко второму изданию

Второе издание *Доктрины*, почти что вдогонку следующее за первым, не предлагает ничего принципиально нового в содержательном плане. Можно сказать, что здесь автором лишь восполняются допущенные в первом издании упущения, которые пускай и незначительны, но все же могли быть предупреждены сразу за надлежащей прилежностью и отсутствием спешки в написании опуса. На сей счет можно возразить лишь тем, что упущения *Доктрины* куда продуктивнее было бы восполнить в очередном авторском сочинении. Однако же, когда имеется возможность по горячим следам хотя бы на йоту приблизить к совершенству нечто исполненное, то лучше не упускать шанса. Тем более, что *Доктрина* по многим своим параметрам подпадает под определение программного сочинения – по крайней мере, на текущий момент. Пока же хотелось бы оговорить те моменты, которые автор счел нужным учесть при ознакомлении читателя сызнова с не так давно законченным опусом.

Итак, во-первых. Реагируя на успевшие раздаться комментарии в адрес первого издания, автор обращает внимание учтивого читателя на то обстоятельство, что пускай сопоставление *Доктрины* с *Катехизисом Гиперфашизма* весьма правомерно и уместно, но возымело место быть оно лишь ввиду созвучия в наименовании двух сочинений – причем, созвучия, которое было допущено ради привлечения большего интереса к опусу в тех кругах, среди которых *Доктрине* был дан ход еще прежде ее официального опубликования. Несмотря на обвинения в том, что, дескать, *Доктрина* точь-в-точь дублирует *Катехизис*, автор также обращает внимание на то, что было оговорено в предисловии ко второму изданию самого *Катехизиса*: изложение какого-либо учения в диалоговой форме старо как мир, а потому не может быть названо чьим бы то ни было оригинальным изобретением. Не будь созвучия в наименованиях, использованный в *Доктрине* прием подачи мысли никого бы по большому счету и не задел. Все новое есть хорошо забытое старое. Между тем, судя по реакции на *Доктрину*, не лишним будет заметить, что даже в этом плане авторская претензия на новизну себя не оправдала. Тем оно и лучше, ибо таковой претензии вовсе и не было. Автор исполнил то, что хотел – детали же должны волновать лишь тех, кого они коробят и не дают спокойно спать по ночам. Лишние всегда отсеиваются сами собой. А такие, как оказалось, все же имеются.

Далее, во-вторых. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что автор не предназначает предложенную читательскому вниманию пьесу для постановки на сцене. Заключение пьесы само по себе исчерпывающе за это говорит. Впрочем, авторское предположение насчет того, что текст *Доктрины* может послужить заинтересовавшемуся любителю поводом для кинематографического эксперимента, остается в силе. Мало ли, кого данное чтиво сможет действительно в полной мере заинтересовать.

Наконец, в-третьих. Если *Катехизис* делает упор на провокацию, которая сразу же дает знать о себе по наименованию текста, то *Доктрина* предлагает новацию, по сию пору упускаемую из виду всеми теми, кого можно назвать, согласно критериям Гиперанархиста, радикалами: снятие какой бы то ни было ограниченности идеологическими разночтениями и перипетиями. *Доктрина* – это попытка (автор намеренно делает ударение на этом слове, дабы лишний раз упредить себя от того, чтобы впасть в бред величия) дать адекватный ответ на вызов времени, состоящий в том, что радикал сегодня лишен какого бы то ни было простора для внешнего действия, почему, во имя самосохранения, ему стоит перевести само это действие во внутреннее русло. Внешнее действие нынче бесплодно именно ввиду оголтелого следования отжившим свое идеологическим установкам, представляющим собою скорее досадный груз прошлого, нежели пригодную для приложения на практике рецептуру видоизменения действительности. Не говоря уже о том, что с наступлением третьего тысячелетия массы решительно отодвинуты на задний план истории. *Доктрина* содержит в себе призыв готового читателя

к тому, чтобы пробудить в нем автономного субъекта, созидającego *мир иной* путем изгнания *мира сего* из себя самого. «Я – и нет вовне точки опоры!» – таков главнейший посыл *Доктрины*. Непредубежденному читателю радикальных взглядов, знакомому с *Катехизисом*, *Доктрина* может показаться жестом отчаяния, который преподнесен на порядок жестче, нежели в *Катехизисе*. Отчаяние прекрасно уже тем, что позволяет воззреться на мир существенно обновленным взглядом, в сравнении с тем, который застывает в нас благодаря прозябанию в обыденности. Пожалуй, если обойтись без лишнего лукавства, стоит признать, что *Катехизис* и *Доктрина* расходятся лишь в деталях, но общи по своей сути. Только поэтому автор не изыскал никакой нужды в том, чтобы излагать свое сочинение в какой-то выделяющейся по-своему форме. Гонка за нарочитой оригинальностью в итоге заканчивается творческой импотенцией. Впрочем, есть одно обстоятельство, которое следует учитывать при досужем сопоставлении обоих сочинений: *Доктрина*, не в пример *Катехизису*, заостряет эсхатологический пафос до такого критического предела, что разговор о гиперанархизме, как ответвлении Консервативной Революции, начисто лишается смысла. Именно поэтому гиперанархизм нельзя, упрощения ради, свести к эвфемизму «правого анархизма». Потому что гиперанархизму вообще нельзя дать какого бы то ни было исчерпывающего определения. Гиперанархиста не могут не теснить рамки. Ибо рамки есть наиболее удручающая форма несвободы. Второе издание призвано к тому, чтобы ликвидировать раз и навсегда заблуждение насчет односторонней «правизны» гиперанархизма, хотя уже в первом издании автор безуспешно приложил к тому все требующиеся усилия. Думается, что в третьем издании нужды все-таки не возникнет.

От сердца – к Солнцу!

Виталий Самойлов

Действующие лица

Гиперанархист – молодой человек 20-ти лет, плотного телосложения, с чертами лица, выдающими в нем скорее подростка, нежели юношу; светловолосый, острижен коротко; одет строго, но со вкусом.

Интервьюер – девушка 25-ти лет, приятной наружности и хрупкого телосложения; корреспондент веб-издания, специализирующегося на молодежных субкультурах; темноволосая, острижена коротко, в стиле каре; одета во все молодежное, неброско; накрашена вполне-таки скромно, не вызывающе и не совсем ярко.

Доктрина гиперанархизма (пьеса-диалог в одном акте)

*Самый могущественный человек тот, кто на жизненном пути
стоит одиноко.*

Генрик Ибсен

*Борись за создание в себе твердой точки опоры, с которой
ничего не сможет сделать внешний мир, гляди на все происходящее как
на бездущинную написанную картину, и не трогайся ею.*

Густав Майринк

Занавес

Посередине сцены расположен журнальный стол с крышкой округлой формы, а по обе его стороны друг против друга расставлены кожаные кресла, причем так, чтобы можно было видеть лица персонажей. На столе в центре – графин с питьевой водой, подле каждого из участников действия стоят пепельница и стакан. Сцена едва освещена, но на общем фоне, погруженном в непроглядный мрак, облик персонажей и подспудный им антураж просвечиваются достаточно четко. Интервьюер сидит в кресле слева от зрительного зала в ожидании Гиперанархиста, который спустя некоторое время появляется на сцене с противоположной от Интервьюера стороны. Гиперанархист подходит к не занятому креслу, после чего останавливается.

Гиперанархист: *(Почтительно.)* Здравствуйте!

Интервьюер: *(Слегка встревожено, указывая собеседнику правой рукой на пустующее кресло.)* Здравствуйте, присаживайтесь!..

Гиперанархист: Благодарю. *(Устраивается как можно удобнее в кресле, после чего выжидает, робко взглядываясь в Интервьюера.)*

Интервьюер: *(Не без замешательства в голосе.)* Знаете, мне немного непривычно работать в таком амплуа, но, полагаю, беседа у нас с Вами выйдет достаточно интересная...

Гиперанархист: *(Улыбаясь краями губ.)* Надеюсь на то... *(Выжидает, пока Интервьюер начнет говорить, но внезапно сам обрывает исподволь создавшуюся тишину.)* Так о чем бы Вы хотели со мной поговорить?

Интервьюер: *(Спохватившись, достает из кармана рубашки блокнот и ручку; открывает блокнот, приготовившись делать пометки.)* Знаете, посетители нашего веб-сайта очень бы хотели узнать, что означает то движение, которое Вы представляете, и имя которому – гиперанархизм.

Гиперанархист: *(Свесив ногу на ногу и прибавив уверенности в голосе.)* Ну, я бы это не назвал движением... Не совсем точное обозначение выйдет.

Интервьюер: *(Участливо, и слегка наклонившись вперед.)* Тогда что же именно Вы представляете?

Гиперанархист: *(С улыбкой на лице, выражающей, скорее, надменность и хитрость, нежели радушие.)* Что не движение – так это уж точно. Для движения мы не слишком многочисленны, тем более что за нами нет официальной регистрации, да и не претендуем мы на нее.

Интервьюер: *(На протяжении всей беседы периодически делая пометки у себя в блокноте.)* Хорошо, а как же быть с вашим веб-сайтом?

Гиперанархист: Веб-сайт – это не больше, чем площадка для оглашения наших идей. Заметьте, чтобы стать гиперанархистом, совсем не нужна регистрация у нас в качестве постоянного члена, не нужны никакие членские взносы и прочие формальные атрибуты многих других организаций.

Интервьюер: (*Удивленно.*) Как же Вы тогда определяетесь с тем, кто поддерживает Ваши идеи?

Гиперанархист: (*Слегка задрав кверху голову; начинает жестиковать своей речью, причем делает это весьма часто на протяжении всей беседы.*) А нам этого вовсе и не нужно... (*Выдерживает паузу для раздумья, напряженно хмуря брови.*) Понимаете, в ходе нашей беседы Вы сможете удостовериться, что Ваши представления о гиперанархизме полностью пойдут вразрез с представлениями о прочих течениях и направлениях.

Интервьюер: (*Кокетливо.*) Гм... Очень даже может быть... (*Слегка заглядевшись на своего собеседника, который смотрит на нее испытывающим взглядом, продолжает в серьезном тоне.*) Хорошо, организационные вопросы пока оставим в стороне, но, с Вашего позволения, я к ним еще вернусь, если сочту нужным. (*Гиперанархист утвердительно кивает.*) Пока же скажите мне, почему вы называетесь гиперанархистами, и в чем ваше принципиальное отличие от... тех же самых анархистов, только взятых уже без приставки «гипер»?

Гиперанархист: (*Говорит угрюмо и задумчиво, немного притупив взгляд, как будто проговаривает монолог.*) Пожалуй, главное отличие, если брать тех же анархистов, Вами упомянутых, состоит в том, что гиперанархизм – это не течение, не движение, но мировоззрение, которое может объединить совершенно разных людей безотносительно их конкретных воззрений идеологического толка. В основание гиперанархизма, как мировоззрения, положен принцип свободы, причем свободы, заметьте (*наконец поднимает глаза на Интервьюера*), взятой в ее безусловном значении.

Интервьюер: (*Заинтересованно.*) Может быть, гиперанархизм – это просто философия?

Гиперанархист: (*Несколько уклончиво.*) Отчасти, да, но гиперанархизм идет глубже и дальше философии, а потому (*слегка усмехаясь*) как бы берет выше анархистов по своим планкам.

Интервьюер: Значит, приставка «гипер» здесь указывает на концентрацию анархизма в его предельном выражении?

Гиперанархист: (*Сжимает губы.*) Не совсем... Скорее, речь идет о том, что анархизм выступает за свои обыденные рамки, становясь уже нечто большим, чем просто анархизм, который нам с Вами знаком.

Интервьюер: (*Свешивает ногу на ногу и слегка наклоняется вперед.*) Вот отсюда, пожалуйста, поподробнее. (*Отбрасывает на журнальный стол блокнот вместе с вложенной в него ручкой.*)

Гиперанархист: (*Слегка надменно улыбкувшись.*) Извольте... Если анархизм преследует цели сугубо социально-политические, как-то, например, низложение всякого существующего ныне порядка вещей и т.д., то цели у гиперанархизма совершенно иного порядка, метафизического... Поэтому у гиперанархизма есть также другое имя – метафизический анархизм.

Интервьюер: Интересно было бы узнать, какое метафизическое... толкование может быть дано анархизму и анархии в частности.

Гиперанархист: (*Заметно оживившись в голосе и жестикующим.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.